

А.Н. Чистиков

СОВЕТСКИЙ ТУРИСТ ЗА РУБЕЖОМ В 1950–1960-е гг.

Прежде чем говорить о пребывании советского туриста за рубежом, необходимо дать определение туризма/туриста как такового. В известном «Словаре русского языка» С.И. Ожегова под туризмом понимается вид путешествий, совершаемых для отдыха и с образовательными целями¹. Отсюда турист — человек, который, путешествуя, отдыхает или повышает свой образовательный уровень.

Однако на международном уровне как раз в 1960-е гг. было принято более расширительное, чем у Ожегова, определение туриста. Под ним понимается временный посетитель, находящийся в посещаемой стране по меньшей мере 24 часа с деловыми целями, по семейным обстоятельствам, в командировке, для участия в конференциях, а также «ради удовольствия (отдых, отпуск, здоровье, образование, религия, спорт)». Эту дефиницию утвердила конференция ООН по международному туризму и путешествиям, проходившая в Риме в 1963 г.², и от нее мы будем отталкиваться в данном исследовании.

Задача сообщения состоит в том, чтобы выяснить: что такое советский турист за рубежом с точки зрения власти и каким он был в действительности, с точки зрения самих туристов, выраженной в средствах массовой информации и материалах личного характера, не предназначавшихся в то время для печати.

Позицию власти можно выяснить, обратившись к документам, в которых формулировались основные принципы отбора будущих кандидатов для поездки. Первым и главным документом изучаемого периода является постановление ЦК КПСС от 3 января 1956 г. «Об организации поездок советских туристов за границу», в котором был сформирован — с точки зрения власти — образ советского человека, едущего за границу. Вследствие важности этого документа остановимся на нем поподробнее.

«При рассмотрении заявлений лиц, желающих совершить туристские поездки за границу, — говорилось в постановлении, — необходимо рекомендовать для таких поездок политически проверенных и устойчивых в морально-бытовом

¹ Словарь русского языка. М., 1984. С. 708.

² См.: *Квартальнов В.А.* Туризм: история и современность. Избранные произведения: В 4 т. М., 2002. Т. 1. Кн. 2. С. 453, 454.

отношении передовых рабочих и служащих, инженеров и техников, агрономов, врачей, педагогов, работников науки и культуры...»¹.

Кажется закономерным, что в советском, чрезвычайно идеологизированном обществе на первый план выдвигается политическая составляющая образа туриста. При этом словосочетание «политически проверенный» позволяло объединить в одну группу коммунистов с комсомольцами и беспартийных. Политически проверенными были как те, кто работал в политической организации (в партии и комсомоле), так и те, кто высказывал правильные политические — читай: коммунистические — взгляды. Обладал ли данный человек такими взглядами, выяснить было практически невозможно. Стоит еще обратить внимание на то, что словосочетание «политически проверенный» не тождественно словосочетанию «активно проповедующий свои политические (коммунистические) взгляды». Таким образом, роль агитатора или пропагандиста данным документом советскому туристу не предписывалась, хотя, может быть, подразумевалась².

Что касается моральной устойчивости, то, несмотря на ставшую с 1969 г. крылатой фразу «Руссо туристо — облик морале»³, эта характеристика оказывалась лишь на втором месте после политической. Впрочем, стоит заметить, что требование моральной устойчивости включается в понятие общечеловеческих ценностей, так что сугубо советским или коммунистическим его назвать трудно. Без сомнения, правительства всех стран хотели бы видеть своих туристов за границей морально устойчивыми людьми, не создающими в данном отношении проблем своим посольствам и консульствам.

Эти два требования, таким образом, носили внешний — фасадный — характер, поскольку через поведение и озвучивание взглядов советский турист должен был если не пропагандировать советский образ жизни и показывать его преимущества перед капитализмом, то хотя бы достойно его представлять.

Употребление прилагательного «передовой» сразу же наводит на мысль, что поездка должна и будет рассматриваться как поощрение за достойный труд

¹ Протокол № 69 заседания бюро Новгородского обкома КПСС. 14 января 1956 г. (ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 13. Д. 36. Л. 10).

² В некоторых документах и начала 1960-х гг. эта роль по-прежнему не была выражена четко и ясно. Вот, к примеру, «формула напутствия» новгородских туристов, которая всегда звучала в беседе председателя или секретаря областного совета профсоюзов с отправляющейся группой в страны народной демократии: обращать «особое внимание на вопросы этики, такта, бдительности и необходимости строго блюсти интересы нашей Родины и честь советского человека» (Отчет Новгородского областного совета профсоюзов об итогах работы по организации туристских поездок в 1960 г. — ГАНО. Ф. Р–3765. Оп. 3. Д. 21. Л. 148). Для туристов, едущих в капиталистические страны, напутствие, по видимому, отличалось ненамного. «Перед отъездом с нами беседовали о том, как себя вести, как держаться и быть осторожным среди новых людей, которые не всегда доброжелательно относятся к нам...» (Отчет о туристской поездке в Финляндию... Прибыловского Георгия Ивановича. 1955 г. — ЦГАЛИ СПб. Ф. 420. Оп. 1. Д. 13. Л. 1). По воспоминаниям зарубежных путешественников, посещавших Советский Союз в 1950–1960-е гг., их также призывали к бдительности.

³ Фраза «Руссо туристо — облик морале» прозвучала в кинокомедии Л.И. Гайдая «Бриллиантовая рука», вышедшей на советские экраны в 1969 г.

на благо советского общества. Мысль верная, но неполная, ибо возникает вопрос: для чего составители документа перечисляют затем некоторые категории населения, а не ограничиваются устойчивым словосочетанием: рабочие, крестьянство и интеллигенция. Кстати, крестьянства как класса в этом документе нет вообще, а из отдельных представителей сельских профессий упоминаются только агрономы.

Смысл подобных уточнений раскрывается лишь после прочтения окончания данного отрывка: «...советские туристы направляются за границу не только для отдыха, но и для ознакомления с жизнью других народов и достижениями зарубежной науки и техники»¹.

Отметив как еще одну характеристику познавательность поездки, остановимся на «достижениях зарубежной науки и техники». В этом контексте прилагательное «передовой» приобрело и второе значение. За границу должен ехать передовик производства, хорошо его знающий, ибо только он сможет понять, что является достижением зарубежной науки и техники, что может пригодиться на своем отечественном производстве. А уточнения насчет инженеров и техников, агрономов, врачей и педагогов показывают те области, в которых изучение подобных достижений имеет первостепенное значение.

Несмотря на то, что выявление достижений отодвинуто на последнее место, именно оно во многом сыграло роль того ветра, который приоткрыл дверь на Запад². В правильности подобного предположения убеждает принятое в мае 1955 г. постановление Президиума ЦК КПСС «Об улучшении дела изучения и внедрения в народное хозяйство опыта и достижений передовой отечественной и зарубежной науки и техники в области промышленности, сельского хозяйства и здравоохранения»³. Одним из каналов изучения зарубежного опыта становился туризм.

Определенные уточнения в формирующийся образ вносили рекомендации Центрального туристско-экскурсионного управления ВЦСПС. В одном из писем, направленных в июле 1956 г. председателям ЦК отраслевых профсоюзов, подчер-

¹ Протокол № 69 заседания бюро Новгородского обкома КПСС. 14 января 1956 г. (ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 13. Д. 36. Л. 10).

² Появление относительно массового советского зарубежного туризма с середины 1950-х гг. некоторые исследователи объясняют влиянием внутренней политики, известной как «оттепель». Так, канадская исследовательница А. Горсач включила в один ряд тех значительных изменений, которые не побоялся сделать Н.С. Хрущев, в частности, и возможность зарубежных поездок, и отказ от репрессий (См.: *Gorsuch A. Time Travelers. Soviet Tourists to Eastern Europe // Turizm: The Russian and East European Tourist Under Capitalism and Socialism. Ithaca and London, 2006. P. 206*). Вместе с тем в данном случае не учитывается ситуация холодной войны на международной арене. Нужны были более серьезные причины для государственной поддержки и развития внешнего туризма, кроме простого демократического жеста, важность которого, естественно, не отрицается. Одной из таких причина стала, на наш взгляд, востребованность зарубежных достижений в науке и технике. Безусловно, кроме нее свою роль сыграл и еще один экономический фактор: необходимость притока иностранной валюты в СССР. Не надо сбрасывать со счетов и идею пропаганды советского образа жизни. В любом случае, толчком к относительно массовому развитию международного туризма послужил комплекс причин, а не только стремление к демократическим переменам внутри страны.

³ См.: Президиум ЦК КПСС 1954–1964: В 3 т. М., 2006. Т. 2. Постановления 1954–1958. С. 65, 90.

кивалось: «Со всеми отъезжающими за границу туристами необходимо проводить беседы. При проведении бесед следует знакомить туристов со страной, программой маршрута, условиями поездки, а также обращать внимание на поведение советских граждан за рубежом и их внешний вид. Туристы могут брать с собой для личного пользования фотоаппараты, пленки, записные книжки и т. п., а также различные сувениры для подарков (значки, открытки, альбомы, марки, изделия национального прикладного искусства и т. п.)»¹. Можно утверждать, что знакомство со страной не ограничивалось рассказом о современном политическом и экономическом положении, а касалось также хотя бы основных событий истории и культуры будущего объекта путешествия². Что же касается сувениров, то обмен ими — особенно значками — был одной из характерных черт туристских путешествий того времени в целом, а не только советских. Наличие сувениров подразумевало установление контактов с местным населением³ (пусть в большинстве своем и отобранным для такого общения), поэтому советский турист не мыслился пассивным потребителем зарубежных достопримечательностей.

Итак, партийно-профсоюзные документы начального этапа советского выездного туризма рисуют следующий образ советского туриста: политически проверенный, устойчивый в морально-бытовом отношении передовик производства, способный приметить и вобрать в себя достижения зарубежной науки и техники, обладающий определенными сведениями о стране путешествия, интересующийся ее достопримечательностями и, наконец, общительный (при наличии определенных ограничений).

Насколько этот созданный в «тиши кабинетов» идеальный образ соответствовал реальности? Каким в действительности был советский турист, чем он выделялся на фоне местного населения, в чем он с ним совпадал?

В какой-то мере ответы на эти вопросы можно получить, обратившись к самим туристам, рассказывавшим о своих путешествиях, встречах и впечатлениях

¹ Письмо начальника ЦТЭУ ВЦСПС Б. Пишикевича председателю ЦК профсоюза. 28 июля 1956 г. (ГАНО. Ф. Р–3765. Оп. 3. Д. 3. Л. 95).

² Подобное предположение подтверждается рекомендацией, сделанной ЦТЭУ в письме председателю Новгородского областного совета профсоюзов В.С. Емельянову 9 мая 1958 г.: «При подготовке группы к выезду считаем необходимым, чтобы Совет профсоюзов рекомендовал туристам ознакомиться со страной, ее историей и экономикой, культурой и национальными особенностями путем изучения имеющейся литературы, посещения лекций, докладов и т. д.» (ГАНО. Ф. Р–3765. Оп. 3. Д. 3. Л. 120). А. Горсач, ссылаясь на документы комсомольских органов, пишет, что руководители молодежных групп должны были обладать знаниями об экономике, истории, культуре и политике страны, в которую они собирались. Им также вменялось в обязанность обеспечивать участие туристов из их групп в «информационных и образовательных собраниях», проходивших перед поездкой (Gorsuch A. Op. cit. P. 208).

³ «Памятка о порядке подбора, оформления и отправки советских туристов за границу», разработанная, по-видимому, в ЦТЭУ и датированная апрелем 1959 г., определяла и иные формы контактов: «Учитывая, что советским туристам придется за рубежом тесно общаться с гражданами разных возрастов, присутствовать и принимать участие в вечерах отдыха, встречах и т. д., рекомендуется, чтобы туристы заранее подготовили свою художественную самодеятельность, разучили советские песни и при возможности взяли с собой музыкальный инструмент, запаслись песенниками» (ГАНО. Ф. Р–3765. Оп. 3. Д. 1. Л. 28).

на страницах книг и периодической печати того времени, в выступлениях перед разнообразной аудиторией и, наконец, в дневниках, записках и прочих материалах личного характера, не предназначенных в то время для печати и не выходивших за пределы узкого круга родных или друзей. Источников такого рода известно довольно много.

Используя в качестве опорного один из опубликованных очерков и привлекая в случае необходимости иные источники, попробуем определить, каким представлялся образ советского туриста со страниц периодической печати того времени.

В начале сентября 1958 г. в «Ленинградской правде» появился пространственный очерк доцента Ленинградской высшей партийной школы историка по образованию Д.П. Прицкера о двухнедельном путешествии по Франции в составе представительной делегации города на Неве¹.

Уже в первых строках своего очерка автор отметил, что советский турист вызывал неподдельный интерес и благожелательность трудящихся, народа, французов (слова-синонимы в лексиконе автора). Туристов приветствовали «дружеские возгласы», с ними велись «оживленные беседы». Когда же экскурсионный автобус перекрыл автомобильное движение на узкой улочке в районе Монмартра и туристы замерли в ожидании скандала, ситуация разрешилась самым неожиданным образом. «Узнав, что в „Сити-раме“ (экскурсионном автобусе. — А. Ч.) едут советские туристы, французы, прогуливавшиеся в этот поздний час в своем излюбленном квартале, пришли к нам на помощь, — пишет автор. — Они подавали советы шоферу, на руках втаскивали на тротуары мешавшие нашему проезду автомашины...»². Более того, об этих туристах написали буржуазные газеты, их официально принимали в парижской ратуше. У читателя должен был сложиться образ коллективного полпреда советского государства в капиталистической стране, которому отдается дань уважения и почета. Турист как достойный представитель социалистического государства вполне отвечал созданному в кабинетах образу. Однако упоминания о вручении туристам в ратуше слепка с парижской городской печати для передачи его Ленсовету, об интервью, которые брали у них корреспонденты буржуазных газет, показывают, что перед нами не простая группа туристов, а люди, имевшие определенный статус, что их выделяло из общей массы путешественников.

Вместе с тем о большем интересе к советским туристам, чем к туристам из иных стран, писали и другие современники. Журналист Я. Пановко, участник автопробега по городам Финляндии, также отмечал: «По стране разъезжает много туристов — американцы, англичане, шведы. Финны принимают их вежливо. Нас же они встречали с таким радушием, что порой казалось, будто это вовсе не финны с присущим им северным флегматизмом, а экспансивные жители южных стран»³. Вероятно, большого преувеличения в этих утверждениях не было: мир открывал для себя «советских» и проявлял к ним, естественно, повышенный интерес, хотя, конечно, не все жители были радушны и благожелательно настроены.

Методом противопоставления для усиления положительного облика советского туриста пользуется и Прицкер, взяв за противоположность туриста заокеанского.

¹ Прицкер Д. Две недели во Франции // Ленинградская правда. 1958. 2 сентября.

² Там же.

³ Пановко Я. По дорогам Финляндии // Ленинградская правда. 1958. 24 сентября.

«Почти все французы, беседовавшие с нами, подчеркивали резкое различие в поведении советских и американских туристов. Корреспондент руанской газеты „Пари-Норманди“ отметил в своей статье уважение советских людей к французскому языку и противопоставил этому упорное нежелание американцев выучить хотя бы самые необходимые французские слова»¹. Добавленные Прицкером к этому пассажиру рассказы об американце, пытавшемся прикурить от Вечного огня, и американке, которая, «разгуливая по Парижу в трусиках, вошла в таком виде в церковь Мадлен, где шло богослужение, и была с позором выдворена оттуда прихожанами», завершали портрет американского туриста, на фоне которого советский выглядел в высшей степени благопристойно.

Не сомневаясь в искренности похвалы французского журналиста, стоит заметить, что знанием иностранного языка похвастаться могли не все и даже не большинство советских туристов². Изучение сведений о новгородских туристах, выезжавших в 1950–1960-е гг. в страны народной демократии, показывает, что среди них владевших каким-либо иностранным языком было меньшинство. Да и постановление Совета министров СССР «Об улучшении изучения иностранных языков», принятое 27 мая 1961 г., возникло явно не на пустом месте. Отметив важное значение знания иностранных языков «широкими кругами трудящихся нашей страны» «в условиях значительного расширения международных связей СССР» и констатировав, что подавляющее большинство выпускников школ, техникумов и вузов не могут переводить иностранный текст без словаря и «особенно недостаточны навыки разговорной речи», постановление предлагало конкретные меры для практического овладения иностранными языками³. Так что советский турист в массе своей в этом отношении выглядел человеком молчаливым и без переводчика, как правило, не обходился.

Попутно надо отметить, что прием противопоставления советского и американского туриста вполне укладывался в рамки антиамериканской кампании, характерной для тех лет. Трудно найти заметки о европейских путешествиях, в которых не было бы негативного отзыва об американцах. Уже упоминавшийся Пановко приводит слова пожилого финна: «Дружба с вами — мир и процветание, союз с США — увеличение безработицы, гонка вооружений и, в конечном итоге, война»⁴. Для писательницы Е.П. Серебровской встреча со Стокгольмом началась... с Америки — с цистерн американской фирмы нефтепродуктов ЭССО, размещенных на одном из островков, мимо которых шел в шведскую столицу пароход. И впоследствии бензиновые колонки и реклама ЭССО, равно как и реклама

¹ Прицкер Д. Две недели во Франции // Ленинградская правда. 1958. 2 сентября.

² Сам Д.П. Прицкер владел французским языком в совершенстве. Были случаи, когда будущие туристы специально готовились к языковому общению. «Готовясь к отъезду, я упорно заучивал французские слова и их фонетику; составил себе небольшой разговорный словарик для объяснений, приветствия, благодарности и т. д., что помогло за границей», — записал в дневнике своего путешествия ленинградец Г.И. Прибыловский (см.: Дневник архитектора Георгия Ивановича Прибыловского о путешествии вокруг Европы на теплоходе «Грузия» в 1957 году — ЦГАЛИ СПб. Ф. 420. Оп. 1. Д. 12. Л. 10).

³ Постановление Совета министров СССР «Об улучшении изучения иностранных языков». 27 мая 1961 г. (Справочник партийного работника. М., 1963. Вып. 4. С. 403, 404).

⁴ Пановко Я. По дорогам Финляндии // Ленинградская правда. 1958. 26 сентября.

кока-колы сопровождали ее всюду, но «они были бессильны заслонить национальное своеобразие Швеции»¹. И уж совсем курьезными выглядели в этом отношении заметки об Исландии художника О.Г. Верейского, относящиеся к декабрю 1958 г. Пропитанные искренней симпатией и уважением к исландцам, которых автор не делит на «буржуев» и «пролетариев», они содержат всего одну критическую фразу — подпись под рисунком, которая гласит: «Единственные военные на улицах Рейкьявика — это американцы, приезжающие из Кьеблавика, где вопреки воле исландского народа расположилась американская авиационная база»².

Обязательность антиамериканских вставок в текст заставляет задуматься и высказать предположение, что во многих случаях они могли быть инспирированы партийными органами.

Вернемся к очерку Прицкера. Еще одна важная характеристика советского туриста — проявление классовой солидарности. Именно таков подтекст в следующей фразе автора: «Шофер „Сити-рамы“, тронутый дружеским обращением советских туристов (туристы из капиталистических стран не балуют вниманием того, кого они считают обслуживающим персоналом), старался показать нам решительно всё возможное и даже невозможное»³. Впрочем, сами туристы, по-видимому, вряд ли задумывались, что их общение с шофером нужно оценивать с классовых позиций, а не считать обычным проявлением вежливости. Но у Прицкера была четкая цель — показать политическую позицию советского туриста. Именно для этого он вводит еще одну реплику, когда рассказывает о причудливых названиях парижских кафе. Среди них оказалось и кафе «У Людовика XVI». «Трудно понять, зачем потребовалось воскрешать в этом названии имя казненного народом тирана?»⁴ — недоуменно вопрошает автор.

Заодно читатель убеждается в определенных познаниях туристов в истории Франции. Неплохую осведомленность о современных норвежских писателях, чьи произведения были изданы в СССР, проявил в разговоре с интеллигенцией города Тромсё К.М. Симонов⁵. Эту черту, знание советскими туристами событий из истории и современности страны посещения, отмечало и местное население. Жителей Хельсинки поразило знакомство моряков Балтийского флота, прибывших с визитом в 1954 г. в Финляндию, с произведениями М. Лассила и В. Аалто-нена, а также их увлечение музыкой Я. Сибелиуса⁶.

Даже при описании увиденных достопримечательностей, осмотр которых составляет одну из важнейших характеристик туризма как такового, политический подтекст присутствует обязательно. В силу сжатости очерка Д.П. Прицкер рассказывает о Лувре, соборе Парижской Богоматери, готических соборах Руана буквально через запятую. Версалю повезло больше; ему отведено в тексте три

¹ *Серебровская Е.* Встреча со Швецией // *Нева.* 1957. № 3. С. 160.

² *Верейский О.* Исландские зарисовки // *Иностранная литература.* 1959. № 1. С. 206.

³ *Прицкер Д.* Две недели во Франции // *Ленинградская правда.* 1958. 2 сентября.

⁴ Там же.

⁵ *Симонов К.* Норвежский дневник. М., 1956. С. 44–45.

⁶ *Рупасов А.И., Чистиков А.Н.* Образ Финляндии в советской прессе «хрущевского десятилетия» // *Многолика Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России.* Великий Новгород, 2004. С. 354.

предложения. Но они несут негативный заряд: «Дворец и парк не произвели ожидаемого впечатления», «фонтаны... не работали», и, главное, взамен давно распроданной мебели во дворце стоят отдельные предметы с табличками, на которых указаны фамилии американских миллиардеров-дарителей. «Подобные надписи, увиденные советскими туристами во многих местах, унижают достоинство французов», — заключает автор.

Зато не обойдены вниманием места в Париже, где жил В.И. Ленин, и Стена расстрелянных коммунаров на кладбище Пер-Лашез. Даже рассказ о Ратуше подан своеобразно, под определенным ракурсом: «Оно (здание Ратуши. — А. Ч.) стоит на знаменитой Гревской площади (ныне — Ратушная площадь). На этой площади 28 марта 1871 года состоялось торжественное провозглашение Парижской коммуны. В дни баррикадных боев между коммунарами и реакционерами здание Ратуши было сожжено, а потом восстановлено в прежнем виде».

При формировании программы пребывания принимающая сторона всегда учитывает специфику группы (или индивидуальных туристов), поэтому нет ничего удивительного в том, что К.М. Симонов посетил в Осло не только дом Р. Амундсена, музей «Фрама» и другие музеи, но и кладбище, где были захоронены погибшие в Норвегии советские солдаты¹. Места, связанные с жизнью и деятельностью В.И. Ленина или российских революционеров, памятники советским солдатам, погибшим при освобождении европейских стран от фашизма, обязательно включались в список достопримечательностей при прокладывании маршрутов для советских туристов по странам народной демократии, и в этом, в частности, проявлялась специфика советского выездного туризма.

Важной составляющей частью экскурсионной программы тех лет — и для советских туристов за границей, и для иностранцев, приезжавших в СССР, — было посещение промышленных или сельскохозяйственных предприятий, учреждений коммунального хозяйства, образования, здравоохранения, культуры и т. п. Как правило, побывавшие на этих объектах советские туристы обязательно делились своими впечатлениями с читателями. Но очерк Прицкера в данном отношении — исключение и не содержит никакой информации, кроме упоминания о посещении автомобильных заводов «Рено»². Другие авторы оказывались щедрее. Е. Серебровскую удивила бережливость шведов, не выбрасывавших безопасных бритв, а сдававших их во вторсырье³. О. Верейский оценил красоту и практичность исландского жилья: на фоне суровости природы и сдержанности ее красок веселыми выглядели «красные, желтые, зеленые домики Рейкьявика, облицованные для защиты от сырости и ветра гофрированным железом»⁴. Яркие тона

¹ Симонов К. Указ. соч. С. 19–24. На пароходе, следовавшем в Киркенес, Симонов столкнулся с группой туристов, в основном из Великобритании и США, которым норвежская туристская фирма предлагала, в частности, посещение самой северной точки Европы — мыса Нордкап и... норвежско-советской границы (Там же. С. 63, 66, 71–72).

² Прицкер Д. Две недели во Франции // Ленинградская правда. 1958. 2 сентября. Даже из городских деталей «практического свойства» автору бросились в глаза лишь художественно оформленные витрины магазинов да вынесенные на улицу под тенты столики кафе (Там же).

³ Серебровская Е. Встреча со Швецией. С. 163.

⁴ Верейский О. Исландские зарисовки. С. 206.

и пестрота преобладали и в одежде исландцев. Журналист Н. Дедков одобрительно отзывался о развитой малой механизации в цехах финляндских заводов¹. Его коллега М. Куртынин обратил внимание на идею гамбургского сената возводить в нескольких десятках километров от Гамбурга города-спутники, способные оттянуть на себя часть населения². А «Норвежский дневник» Симонова можно считать настоящим практическим пособием для использования зарубежного опыта. Открытие киосков на пограничных вокзалах и в аэропортах для продажи сувениров отбывающим пассажирам; строительство недорогих, экономичных, занимающих «разумный минимум кубатуры» гостиниц; создание стадионов с искусственным льдом, в частности, и для развития балета на льду; издание серий альбомов и сотен серий открыток по искусству народов разных стран и интенсивный обмен каталогами с картинными галереями и музеями мира... И это только на первых 16 страницах книги, в которой более 100 страниц текста. Стоит добавить к сказанному, что на вопросы, хочет ли он побывать там-то или посмотреть то-то, Симонов всегда отвечал утвердительно.

Острый глаз советского туриста подмечал не только разумные и практичные новшества, но и недостатки, хотя, как справедливо заметил Прицкер, туристская компания, «естественно, стремилась показать не теневые, а парадные стороны жизни страны». Какие язвы капитализма обращали на себя внимание путешественника из СССР, помимо классового неравенства и эксплуатации? Как ни странно, в первую очередь изобилие рекламы³ и, во-вторых, проявления моральной деградации капиталистического общества. Советских автотуристов поразил вид вечернего Хельсинки: море разноцветных огней. «Если бы одновременно погасить все эти рекламы и витрины, город погрузился бы в непроглядную тьму», — делает вывод Пановко, ибо «уличных фонарей почти нет»⁴. Об ухищрениях рекламы пишет Серебровская, а Симонов, с помощью переводчика изучив многочисленные объявления о знакомствах в двух «солидных ежедневных» норвежских газетах, обвиняет эти издания «в цинической неразборчивости и всеядности». При этом он специально оговаривается, что смешно «делать на основании таких объявлений общее умозаключение о нравах или нравственности...»⁵.

Зато Прицкер вопросам нравственности уделяет целый абзац своего очерка, живописуя, как «вечерами на улицах стоят с неизменными белыми сумочками „девицы для всех“», а днем туристов у главных достопримечательностей, включая собор Парижской Богоматери, атакуют подозрительные типы, предлагающие порнографические открытки. Заметим, что продажа открыток «сомнительного содержания» около церкви или даже в ней⁶ вызывает закономерную от-

¹ Дедков Н. Будни Суоми // Звезда. 1958. № 7. С. 136.

² Куртынин М. Гамбург и гамбургцы // Ленинградская правда. 1957. 27 октября.

³ Реклама существовала и в Советском Союзе, достаточно посмотреть, например, последние полосы газет накануне всенародных праздников, однако она не была такой всеобъемлющей и агрессивной.

⁴ Пановко Я. По дорогам Финляндии // Ленинградская правда. 1958. 26 сентября.

⁵ Симонов К. Указ. соч. С. 65, 66.

⁶ Г.И. Прибыловский подтверждает продажу открыток «самого легкого жанра» у стен Нотр-Дам-де-Пари. И он же рассказывает о торговле аналогичным товаром в соборе

рицательную реакцию не только верующего человека, но также атеиста и любого здравомыслящего человека.

Не была забыта Прицкером и площадь Пигаль, которая вместе с «Мулен Руж» и порнооткрытками «для многих заокеанских туристов» «составляет „настоящий Париж“». За этим осуждением следовал логический вывод: «подлинный Париж, город французского народа, не имеет с этим ничего общего». Автор статьи не только определял позицию советских туристов¹, но и солидаризировался с французскими трудящимися, которые, как должен был понять читатель, также обладали высоким моральным обликом.

Итак, какой же образ советского туриста складывался у современного ему читателя советских газет, журналов и книг? Советский турист, приехавший в какую-либо капиталистическую страну, вызывал к себе неподдельный интерес, проявлял классовую солидарность с угнетенными слоями населения; обладал определенными знаниями по истории и современности этой страны, интересовался ее достопримечательностями, выказывая особый интерес к памятникам, связанным с революциями и событиями Второй мировой войны; пытливо подмечал новое в науке, технике и быту, что могло бы пригодиться в своей стране. В основном эта характеристика относится и к туристам, едущим в страны народной демократии, только вместо классовой солидарности надо поставить проявление интернационализма. Нетрудно заметить, что практически по всем позициям эта характеристика совпадает с идеальным образом, сотворенным чиновниками.

Вносят ли какие-то изменения в этот образ те свидетельства самих туристов, которые не были предназначены для печати, и если да, то какие?

Используя ту же методику, что и в первом случае, обратимся к одному из источников, дополняя его анализ исследованием других материалов личного характера и иных документов. В марте 1962 г. ленинградский художник В.И. Курдов более двух недель провел в финляндском городе Турку, где представлял выставку советской графики. Свои впечатления о проведенных днях он заносил в дневник, оформляя записи в виде писем к жене², оставшейся в СССР.

Сразу же бросается в глаза почти полное отсутствие идеологических формулировок, столь характерных для газетной лексики. Лишь после рассказа о посещении кабаре следует ремарка: «Этого, конечно, нигде не увидишь, кроме как только в капиталистических странах»³. Зато возникают сведения, которые именно с политических позиций вряд ли появились бы в открытой печати. Так, свое знакомство с «настоящим русским эмигрантом со страстной любовью ко всему русскому» он характеризует следующими словами: «встретились как родные». Не менее сомнительным с пропагандистской точки зрения выглядит его рассказ о знакомстве

Св. Петра в Риме (Дневник архитектора Георгия Ивановича Прибыловского... — ЦГАЛИ СПб. Ф. 420. Оп. 1. Д. 12. Л. 149, 177).

¹ С этим суждением перекликается и вывод М. Куртынина, рассказавшего о гамбургской улице Реепербан, где «торгуют любовью»: «Трудно себе представить картину чудовищнее своей мерзостью, чем эта» (*Куртынин М.* Гамбург и гамбургцы // Ленинградская правда. 1957. 27 октября).

² *Курдов В.И.* [Записи в блокноте] // ЦГАЛИ СПб. Ф. 514. Оп. 1. Д. 65. Л. 40 об. — 26 об.

³ Там же. Л. 27 об.

с русской женщиной, вышедшей в годы оккупации за финна, и о посещении этой семьи¹.

В этом отношении более созвучен с очерками в средствах массовой информации дневник Г.И. Прибыловского о путешествии вокруг Европы. Автор обличает «буржуа и янки», которые кутят в европейской части Стамбула, в то время как на улицах его азиатской части «прямо на панели, у заборов спят бездомные, укрывшись тряпьем и газетами», пишет о таком же социальном контрасте в Париже². Но и он не всегда осуждает встречающуюся повсюду рекламу³ и не пытается подвергнуть критике кока-колу, которую туристам дали на обед в Париже⁴.

Не так строго судит Курдов и о некоторых культурно-развлекательных программах, увиденных им в Финляндии: если «ерундовое» кабаре в Турку он еще связывает, как мы сказали, с чуждым ему капиталистическим миром, то «французское ревю из „Мулен Руж“» в Хельсинки показалось ему интересным⁵. В свою очередь, и Прибыловский, не раз наблюдавший целующиеся парочки на парижских улицах или в кафе, не склонен их осуждать, ограничившись замечанием о простоте нравов в Париже как обычном явлении⁶.

Впрочем, примечали туристы и многое другое. Курдов одобрительно отзывался о новых зданиях таможенного управления в Турку и университета в Хельсинки («строят смело и качественно»), о недорогих слуховых аппаратах, а Прибыловскому с профессиональной точки зрения понравились искусная подсветка памятников истории и архитектуры, сигнальная тумба для регулировки уличного движения в Париже, новая конструкция уличных фонарей здесь же, позволяющая освещать не только тротуар, но и проезжую часть дороги⁷. Не упускались

¹ Там же. Л. 28–29, 49.

² Дневник архитектора Георгия Ивановича Прибыловского... // ЦГАЛИ СПб. Ф. 420. Оп. 1. Д. 12. Л. 96, 43, 190.

³ Увидев в Италии фанерные щиты, рекламирующие кока-колу, зубные щетки и «много других занятных реклам», Прибыловский замечает, что «они установлены с большим вкусом, увязаны с окружающей природой и невольно привлекают к себе внимание» (Там же. Л. 101).

⁴ Там же. Л. 210. Кока-кола была одним из самых любимых объектов критики и высмеивания буржуазного образа жизни.

⁵ Курдов В.И. [Записи в блокноте] // ЦГАЛИ СПб. Ф. 514. Оп. 1. Д. 65. Л. 27 об., 26 об. Советской туристке М.С. Борман, которая в будапештском отеле посетила варьете, его программа показалась примитивной и глупо комичной (*Борман М.С.* Поездка в Венгрию в октябре 1956 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 420. Оп. 1. Д. 73. Л. 11). И в том и в другом случае мы наблюдаем личные впечатления, а не политические оценки.

⁶ Дневник архитектора Георгия Ивановича Прибыловского... // ЦГАЛИ СПб. Ф. 420. Оп. 1. Д. 12. Л. 177.

⁷ Курдов В.И. [Записи в блокноте] // ЦГАЛИ СПб. Ф. 514. Оп. 1. Д. 65. Л. 35 об., 30, 28 об.; Дневник архитектора Георгия Ивановича Прибыловского... // ЦГАЛИ СПб. Ф. 420. Оп. 1. Д. 12. Л. 69, 96, 188, 194. Особенно много ценных наблюдений вынес Г.И. Прибыловский из первой поездки в Финляндию в 1955 г.: шведский стол в гостиничном ресторане, мягкие и удобные кресла и наличие багажного отделения в междугородных автобусах, оригинальная система учета отопления жилых домов и, конечно, прекрасные дороги и придорожное обустройство (Отчет о туристской поездке в Финляндию... Прибыловского Георгия Ивановича. 1955 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 420. Оп. 1. Д. 13. Л. 3–9).

из виду и достопримечательности: и те, которые числились в экскурсионной программе для туристских групп, и те, к которым стремились индивидуальные туристы. Жажда познания была иногда столь велика, что приходилось жертвовать другими развлечениями и даже сном. «Часы для сна были доведены до минимума, — записывал в дневнике о пребывании в Париже Г.И. Прибыловский, — и лично я, пожалуй, за все четверо суток вряд ли проспал больше 16 часов», добавляя при этом, что для путешествий по французской столице он со своими товарищами, как правило, отказывался «от душного кино, просмотра телевизионной программы в отеле или развлекательных игр в его гостиных»¹. Впрочем, кино многих путешественников всё же притягивало, ибо появлялась великолепная возможность увидеть те фильмы, которых в СССР по разным причинам не показывали².

Помимо памятников истории и архитектуры своеобразной достопримечательностью для советских туристов были витрины магазинов в европейских городах³. Большинство товаров оставалось для них недоступными, так как сумма валюты, полученная на обмен, была мизерной, так что советские туристы чаще выглядели зрителями, чем покупателями. Причем это касалось не только капиталистических государств, но и стран народной демократии. Сетования Курдова: «В магазинах чего-чего нет, глаза разбегаются. Главное, всё качественное. Увы, денег нет, и это противно», перекликаются с рассказом М.С. Борман о Венгрии: «В свободное время мы много ходили по магазинам и выбирали, на что лучше истратить небольшие деньги, которыми мы располагали»⁴. Подобного рода записи не сопровождаются никакими политическими комментариями, это не более чем сожаление о своей финансовой необеспеченности.

Сведения, содержащиеся в заметках и записях, не предназначенных для широкого распространения, подтверждая некоторые качества сформированного властью и прессой образа советского туриста, привносят в этот образ новые штрихи. Явное уменьшение идеологической зашоренности и выявление качеств потребителя (в хорошем смысле этого слова) делает этот образ уже не плакатным, а человеческим.

Всё же этот образ будет неполным без привлечения некоторых источников, исходящих уже не от самих туристов, а от сторонних наблюдателей. Определенную информацию дают отчеты руководителей туристских групп и «Интуриста». Изучавшая этот комплекс документов А. Горсач цитирует отчет заместителя председателя правления ВАО «Интурист» А. Ерохина, который с возмущением писал о неумении советских туристов одеваться со вкусом, что делало их похожими

¹ Дневник архитектора Георгия Ивановича Прибыловского... // ЦГАЛИ СПб. Ф. 420. Оп. 1. Д. 12. Л. 170, 180.

² См., например, изложение сюжета фильма «Обрывая ромашку» в записках В.И. Пилявского (*Пилявский В.И.* Записки во время туристического круиза вокруг Европы. 1961. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 453. Оп. 1. Д. 1. Л. 151–151 об.).

³ А. Горсач назвала разглядывание и покупку товаров, недоступных в СССР, одной из основных достопримечательностей заграничного путешествия (См.: *Gorsuch A.* Op. cit. P. 217).

⁴ *Курдов В.И.* [Записи в блокноте] // ЦГАЛИ СПб. Ф. 514. Оп. 1. Д. 65. Л. 39 об.; *Борман М.С.* Поездка в Венгрию в октябре 1956 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 420. Оп. 1. Д. 73. Л. 42).

на иллюстрированные карикатуры типичного советского человека¹. Эти внешние отличия фиксировали и другие наблюдатели. Руководитель туристской группы новгородцев, побывавших в июне 1963 г. в ГДР, рекомендовал следующим группам одеваться строго, так как «в Германии почти нет людей, одетых пестро», а немки редко носят брюки². Трудно сказать, что тому было виной: неторопливая работа отечественных швейных фабрик, невзыскательный вкус части туристов или целый комплекс причин, но, по-видимому, такие явления не были единичными и одежда становилась важным отличительным знаком.

Отчеты руководителей являются и одним из основных источников, фиксировавших поведение туристов во время путешествия, в том числе и случаи негативного характера. В нашем распоряжении нет сводных данных (если они вообще есть) о видах проступков и о доле морально неустойчивых туристов. Можно предположить, что одним из основных видов нарушений этических норм было пьянство, а доля тех, кто не сумел соблюсти «честь советского человека», была относительно невелика. В пользу такого предположения говорит, в частности, тот факт, что среди 12 изученных отчетов о поездках новгородцев в страны народной демократии в 1960–1963 гг. лишь в одном фиксируется нарушение этических норм. Всё же в целом советский турист выглядел, как и предписывалось партийно-государственными документами, морально устойчивым человеком. Этому способствовал и предварительный отбор кандидатов на поездку, и присутствие наблюдателей в группе, и вполне осознанное понимание, что в случае нарушения поведения дальнейшие выезды за границу становятся невозможными. Впрочем, неверно было бы эту устойчивость объяснять только страхом, исключающая результаты воспитания советского человека.

Последнее замечание, связанное также с «внешним обликом» советских туристов. Многие туристы впоследствии вспоминали, что за рубежом им не разрешалось ходить поодиночке: формировались группы из нескольких человек и назначался старший этой группы. Таким образом, поведение каждого туриста контролировалось его коллегами. Не подвергая критике это утверждение, заметим всё же, что тезис «работает» только для группового туризма. Но в капиталистические государства выезжали и индивидуальные туристы, имевшие научные, культурные, спортивные и иные цели, поэтому образ советского туриста как микроколлектива, а не одиночки если и был распространенным, то всё же не единственным.

Вобрав в себя некоторые черты идеального туриста, реальный советский турист всё же отличался, и порой значительно, от искусственно сконструированного образа, ибо обладал разными жизненными принципами, установками, слабостями, взглядами и т. д. В силу некоторых специфических особенностей советский турист был заметной и отличающейся от туристов других стран фигурой за рубежом в период 1950–1960-х гг.

¹ См.: *Gorsuch A.* Op. cit. P. 222.

² Отчет о туристской поездке в ГДР. 1963. // ГАНО. Ф. Р–3765. Оп. 3. Д. 249. Л. 92–94.